

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Море было прозрачным и глубоким. Где-то под лодкой вдалеке виднелось дно. На дне плясали солнечные узоры, колыхались водоросли и степенно проплывали здоровенные рыбы.

– Никогда не видел такой прозрачной воды. Такое впечатление, что летишь по воздуху, – с удивлением сказал Петя, наклонившись через борт и глядя в воду.

– Да, странненькое место, – согласился Соломон.

Он не смотрел в воду, а изучал белые «буйки», которые все увеличивались в размерах.

– Мне кажется, что эти буйки сильно на людей смахивают. И двигаются они по воде, на чем, не пойму, и что-то делают, – продолжил он.

– Может, они нас поджидают? Ведь в нас чем-то кинешь – и мы уже на дне с золотом нашим. Вон и рыбы ждут.

Действительно, в глубине тени рыб стали мелькать чаще.

– Ничего, подплывем ближе – посмотрим, – решил Петя и погреб к ближайшей фигуре.

Вскоре стало ясно, что фигура – это человек, одетый в длинную белую рубаху до пят. На голове незнакомца была надета белая шерстяная панاما с отвисшими полями. Длинные очень светлые волосы ниспадали из-под панамы на плечи. Лицо нежное, удлинненное, без бороды и усов. Так, что пол определить было затруднительно. Человек держал в руке удочку и ловил рыбу. Время от времени он вытаскивал леску из воды, смотрел на пустой крючок, делал несколько шагов босыми ногами по воде и опять

* Продолжение. Начало в кн. 64-72.

забрасывал свою снасть. На поверхности после его шагов расходились круги.

– Во дает! – сказал Петя. – На пустой крючок ловит.

– Нет, у него что-то не так, либо с головой, либо с ногами, – согласился Соломон, наблюдая круги на зеркально ровной воде.

Тем временем человек в белой панаме заметил лодку и побрел к ней, по воде, слегка покачиваясь. Подойдя шагов на десять, фигура остановилась, издав несколько довольно мелодичных трелей.

– Соломон, он нас за птичек принимает и хочет договориться, – толкнув директора локтем, прошептал Петя.

Рыболов тем временем, увидав недоумение мореплавателей, даже обрадовался и вполне по-русски обратился к ним:

– Так вы, наверное, люди, а не ангелы. Очень рад вас видеть. Тут, понимаете, люди бывают редко. Вот за последние две тысячи лет вы первые, – и без всякого перехода добавил: – У вас случайно наживки не найдется? Нас тут послали рыбки вон для тех наловить, – рыболов махнул в сторону берега, – а наживочки-то и не дали. Вот мы и маемся.

– Мы бы помогли, если б сумели, но у нас с собой тоже, кроме вот этого, ничего нет, – Петя показал сумку с золотом. – Богатство – оно конечно, но и с ним можно с голоду помереть, если у вас рыба не ловится.

– А ну, а ну? – рыболов подошел к лодке, засунул руку в мешок с золотом и вытащил на свет толстого красного червяка. Червяк был крайне удивлен и дико озирался.

– Так это то, что нужно! – обрадовался рыбак и, надев червяка на крючок, забросил снасть в воду.

Петя заглянул в мешок. Слитки золота кишели червями. При чем золота на глазах становилось все меньше, а червяков все больше.

– Наглядное превращение золота во что угодно, – сделал вывод Соломон, – загадочная субстанция.

Со всех сторон к ним подходили другие рыболовы. Все в белых рубахах до пят и босиком. А вот шляпы на них были разные. Некоторые были вообще без шляп, и ветер развевал их белые невесомые волосы, хотя Петя поклялся бы, что стоял полный штиль, и не было ни дуновения.

Подошедшие сначала пересвистывались, а потом вполне человеческим голосом просили наживку. Петя открыл сумку и поставил ее на дно лодки для общего пользования. Было не жалко. Как-никак золота там больше не было, а зато толстые красные черви так и кишели.

Петя с Соломоном, перегнувшись через борта, смотрели, как в прозрачной глубине вокруг наживки стали собираться большие желтые рыбы с красными и синими блестками. Рыбы пока присматривались. Им, наверное, тоже было в диковинку ловиться на крючок с наживкой.

– Две тысячи лет не ловленная рыба, – сделал вывод Петя, – совсем от рук отбилась.

И тут первая рыбина заглотала червяка, и клев начался.

Скоро у ног каждого рыбака прыгали, ударяя хвостами по поверхности воды, здоровенные толстые рыбины, похожие на желтых тунцов. Тот, что был в шерстяной панаме, подошел к лодке и попросил:

– Не могли бы вы нам лодочку одолжить, а то, того и гляди, улов опять на глубину уйдет?

– Улов в лодку, а мы на глубину? – поинтересовался Петя.

– Да ничего с вами не случится. Постоите с лодкой рядом, а потом дальше поплывете.

– Люди обычно на воде не стоят, – засомневался Соломон.

– А я попробую, – решил рискнуть Петя. – Один раз уже по воде ходили.

Он перекинул ногу через борт лодки и попытался стать на воду. Под ступней он почувствовал что-то мокрое, но достаточно твердое. Перенес вес тела на эту ногу, потом вылез совсем и стал на воду рядом с лодкой. Ощущение было такое, как будто стоишь в теплой луже на бетонном полу. Петя обошел вокруг лодки, оставляя круги на поверхности моря.

– Вылазь, Соломон, – все путем! – сказал он. – Что это такое, я не знаю, но ходить можно.

И Петя придержал противоположный борт лодки, давая Соломону возможность вылезти.

Соломон сел на борт лодки, свесил ноги и булькнул в воду, только круги пошли. Всплыв, он, ругаясь и отплевываясь одно-

временно, схватился за веревку, которая шла вдоль борта лодки, и попытался влезть обратно.

Оказавшийся рядом рыболов с развевающимися без ветра волосами нагнулся, подцепил Соломона под руку и посадил обратно в лодку.

– Уважаемый, по воде можно ходить только босыми ногами. Разве вы не знали? – объяснил он.

– Соломон, ну тебя же предупреждали, что обувь надо снять. За тобой не доглядишь – и все! И кердык тебе не в той, так в другой форме, – начал выговаривать Соломону Петя. – Сними штиблеты и вылазь! Или ты хочешь быть с уловом в одном садке?

Вокруг лодки собрались белые рыболовы с первыми рыбинами. Соломон оглядел всю компанию недовольным взглядом, но все-таки стал расшнуровывать кроссовки.

Вскорости лодка до краев была полна живой, шевелящей жабрами рыбой. Два рыболова взяли за веревки и повлекли лодку к берегу. За ними потянулись остальные.

Соломон сначала с опаской ставил босые ноги на поверхность воды, но потом осмелел и с интересом разглядывал подводный мир у себя под ногами в изумительно прозрачной воде.

– Господа, а вы, собственно, кто будете? – поинтересовался Петя у идущего рядом с ним рыболова в большой соломенной шляпе.

– Какие мы господа! – вздохнул тот. – Ангелы мы, а Господь у нас один.

– Да будет Он славен во веки веков! – эхом отозвался другой ангел.

– А где же ваши крылья, если вы ангелы? – продолжал спрашивать Петя.

– Ну зачем нам крылья? Бестелесны мы.

– Но все ангелы с крыльями, вот строки Пушкина: «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился, и шестикрылый серафим на перепутье мне явился», – вставил Соломон.

– Нельзя все понимать буквально, – с ангельским терпением стал объяснять ангел в клетчатой кепке. – Количество крыльев – это условность, показатель ранга ангела. Ведь есть

архангелы с тысячью крыльев. Представляете ангела, покрытого крыльями в несколько слоев? Вот и я не могу представить.

Вопрос оказался исчерпан. Петя был явно не готов беседовать о расположении множества крыльев на одном ангеле. Как-то никогда раньше не задумывался. Сейчас его больше интересовал вопрос о своем местоположении.

– Господа, простите, ангелы, подскажите, пожалуйста, мы случайно не на тот свет попали? – спросил Петя у окружающих его ангелов.

– Тот свет, этот свет – все вы усложняете, – меланхолично ответил ангел в кепке.

Ангел шаркал ногами по поверхности воды, что-то рассматривая в глубине и, казалось, вопрос его совершенно не интересует.

– Свет только один, и создал его Господь, – ангел ткнул пальцем куда-то в сторону, видимо, показывая, где этот создатель находится.

– Слава Ему во веки веков! – подхватили хором остальные ангелы.

– В одном месте этого света люди живут в телах, в других без тел. Потом опять в телах. И так множество раз, пока замысел о них не воплотится. А воплотился или нет, Он решает, – ангел опять ткнул пальцем, но уже в другую сторону.

«Или их там много, или один, но быстро перемещается», – подумал Петя.

– Так мы сейчас без тел – или как? – спросил Соломон, рассматривая свои руки и шлепающие по воде ноги.

– Вы пока в теле, и те люди, что на берегу, тоже в теле – вот им кушать и хочется, – ответил один из ангелов, – не отпускают их из тел. Не восприняли они душой проповедь Господа нашего (да будет Он славен вечно!), животы рыбой и хлебом набили и пошли своим путем, жить, как ранее жили. Вот пришли на этот берег.

– Так это они за свой грех страдают, а вы еще говорите, что ада нет.

– И ада нет, и греха нет, – скучным голосом подтвердил ангел, – все люди придумали. А есть мир и путь. И человек по нему идет. И путь этот он сам выбирает. Свобода воли у него. За что человек в трясине тонет? За то, что заповедь какую нарушил или

ногой оступился? А рай, как, впрочем, и ад, может быть и в теле, и без тела. Все от пути зависит. А мы, ангелы, волю Божию выполняем, и только. Нам сказали рыбы наловить, голодных накормить. Вот мы и ловим уже две тысячи лет. Как время пришло – вас к нам послали. Так-то!

Вот так, разговаривая о вещах сложных и запутанных, дошли ангелы с лодкой и путешественниками до берега. Берег уже кишел народом, по сравнению с которым египетская мумия среднего царства выглядела упитанной и жизнерадостной.

По дороге к берегу рыба, лежавшая в лодке, преобразилась. Она прямо на глазах высохла и даже просолилась. Кое-где на чешуе блестели кристаллики соли. Люди на берегу стояли по колена в воде и ждали. Видимо, вода их не держала. Ангелы стали бросать сушеную рыбу в толпу. Казалось, что каждую рыбку разрывают еще до того, как она коснулась протянутых рук. Люди ели впервые за две тысячи лет.

«Если не считать любителей побродить по катакомбам», – подумал Петя.

Наевшись, человек подпрыгивал над толпой, или что-то выбрасывало его в воздух. Затем начинал таять, поднимаясь все выше и выше, и наконец исчезал где-то в дымке над обрывом. Скоро лодка опустела, и на берегу никого не осталось.

– Вот и нам пора, – обратился ангел в шерстяной панаме к путешественникам. – Вы нам здорово помогли. Можем ли мы для вас сделать какое-нибудь доброе дело?

– Что вы, что вы, – забеспокоился Соломон, – уже познакомиться с настоящими ангелами – это для нас так много значит...

– Соломон, – остановил его излишняя Петя, – видишь, люди спешат, простите, ангелы, – поправился он. – Извините, не подскажете, куда нам плыть, чтобы попасть на ту сторону? Очень нам надо.

– Конечно, конечно, – отозвался ангел в клетчатой кепке. – Плывите вдоль берега. Если кто-нибудь будет с вами из моря заговаривать – не отвечайте. Мало ли кто там может быть, – ангел сделал неопределенный жест рукой. – С берега в море будут прыгать свиньи. Они всегда так делают, давно так повелось. Прыгать-то они прыгают, но тонуть категорически отказываются. Вот

и плывут на ту сторону. Они там пасутся, а затем опять в море бросаются, чтобы утонуть, и плывут на эту сторону. Вот за ними и плывите. А нам пора. Труба зовет.

Ангелы стали превращаться в облака чего-то белого и хлопающего в воздухе. Как будто облако из тысячи полупрозрачных голубей взлетело над водой и растаяло в голубом небе.

– Видишь, а говорили, у них крыльев нет. Чем же они в таком случае хлопали? – спросил Петя.

Соломон ничего не сказал. Он только стоял в полном обалдении и смотрел на то место, где только что хлопало крыльями и исчезло ангельское облако.

– Ангелы, настоящие ангелы... – произнес он таким тоном, как будто эта истина дошла до него только что. – А говорили, что крыльев у них нет!

– Всем верить... – начал Петя, но тут он и Соломон провалились по пояс в воду, благо дело было возле берега.

Ковчег Завета

Воспоминания Соломона прервало легкое движение воздуха, и рядом с ним появился Менелик. Он был выше отца ростом и шире в плечах, настоящий великан, но темной кожей, тонкими запястьями и длинными пальцами рук походил на мать.

– Здравствуй, сын! – сказал Соломон, давая понять царевичу, что заметил его в темноте.

– Здравствуй, отец, – отозвался Менелик. – Зачем такая осторожность?

Соломон улыбнулся, вспоминая Македу.

– Сначала мы сделаем то, чему тебя учила мама, а потом поговорим.

Соломон с удовольствием слушал, как сын пропел слова для птиц, животных и насекомых. Смолкли цикады, с шумом взлетели и покинули сад птицы. Мелкие зверушки зашуршали в кустах, заволновался слон, но Соломон успокоил его. Затем Менелик отослал джиннов своей матери и посмотрел на отца. Но Соломон сам отправил своих джиннов прочь, не захотев, чтобы джинны,

обиженные самоуправством сына, потом ему пакостили в пути. Наконец они прослушали все вокруг и поняли, что ни в храме, ни в саду, кроме слона, нет живых существ.

– Я позвал тебя, сынок, чтобы поручить тебе важное дело. Завтра в полдень ты уезжаешь к матери и увезешь особо ценный груз.

– Но почему? Почему я не могу быть твоим наследником? Моя мать – великая царица. Я не глупее, не слабее, не грубее своих братьев. Я обучен искусствам и наукам, очень хорошо владею оружием, я понимаю язык птиц и зверей – почему ты гонишь меня?

– Не обижайся, мою страну ожидают трудные времена.

– Тем более, отец! Кто из этих неженков справится с бедой, если за них решают, когда им обедать и какой ложкой?

– Царевич Менелик, твоя миссия больше и важнее, чем править маленьким государством на перекрестке. Твоя мама говорила о Ковчеге Завета. Ты прошел уже все посвящения. Как я просил, ты постился и надел чистую одежду. Пойдем!

Они вошли в храм, и бархатная темнота окутала их. Темно, тепло и тихо было так, что Менелику показалось, что тело его исчезло. В руках у Соломона засветилась свеча, он поставил ее в подсвечник у входа, зажег вторую и с нею повел сына вглубь храма. Потолок терялся во тьме и до стен маленький освещенный круг тоже не доставал. Иногда из темноты выплывал узор каменного пола, или мерцающим огнем отзывалось золото росписи. Они шли долго, их шаги отдавались эхом, а за кругом света шевелилась тьма.

Соломон привел Менелика в небольшое помещение, достал из дубового сумрачного шкафа расшитое золотом облачение и стал надевать на Менелика, произнося нараспев молитву. Он надел на него пояс, покрывавший ему бедра вплоть до чресел, и нижнюю одежду из белого льна, а сверху облек в облегающую тело и спускающуюся до самых пят фиолетовую одежду, обшитую кистями. На этих кистях висели, чередуясь друг с другом, золотые колокольчики и гранатовые яблоки: первые должны были служить символом грома, а вторые – молнии. Верхняя одежда прикреплялась к груди разноцветной повязкой, сплетенной из пяти лент тех же самых материалов:

золота, пурпура, багряницы, виссона и гиацинта, из которых были сотканы храмовые занавески. Из них же было сделано и наплечное одеяние, но золота в нем было больше, чем остальных материалов. Поверх него был надет золотой наперсник, украшенный двенадцатью драгоценными камнями с вырезанными на них именами двенадцати колен Израилевых, и перевязанный ефодом – поясом из тонкого льна, украшенного вышивкой. Голову он покрыл тиарой: она была из виссона, а сверху увенчивалась гиацинтовой тканью; вокруг нее шел еще один золотой венец, полностью закрывающий лоб, с вырезанными на нем священными буквами, именно – четырьмя гласными. Потом также с молитвой облачился сам.

– Сынок, ты должен всегда надевать на себя это облачение, когдаходишь к Ковчегу Завета, и тогда ты доживешь до глубокой старости. Нет никаких уважительных причин этого не делать, Господь ужасно карает святотатство.

Потом он взял Менелика за руку и повел к завесе, которая отделяла храм от Святой Святых. Помолившись у завесы, он ввел сына в Святой Святых. Ошарашенный Менелик с ужасом смотрел на отца.

– Господь благословил это решение, ты посвященный, и тебе быть первосвященником у Ковчега Завета. Запоминай все, учить тебя будет некому.

В свете свечи Ковчег таинственно мерцал, а лица ангелов на его крышке, казалось, наблюдали то настороженно и грозно, то благожелательно. Соломон подошел к стене храма и поднял с пола большой тяжелый ларец палисандрового дерева. Внутри ларца лежало семь пар ключей с большими причудливыми головками в виде сложных, словно кружевных крестов. По очереди он вынул семь ключей и вставил их в прорези крышки ковчега, причем никто бы и не заподозрил, что это замочная скважина, а не просто прорезной орнамент. Каждый замок отзывался своим тихим мелодичным звуком.

Соломон отложил ключи в сторону.

– Теперь Ковчег закрыт, и его можно открыть только всеми семью ключами сразу. Ты увезешь его домой и будешь хранить его в тайне. Никто, кроме твоей матери, не должен знать, что

он у тебя. Открывать его нельзя – он несет открывшему смерть. И приблизившемуся к нему с нечистыми помыслами он тоже несет смерть. Но придет время его открыть. Ключи останутся у меня. Но когда настанет время открыть Ковчег, к вам придут люди, каждый принесет по ключу. Чтобы вы их узнали, я отдам тебе вот этот ларец, в нем не ключи, а только головки к ним. Ты насадишь их на посохи, с которыми будут ходить священнослужители. Всякий раз, когда придет человек с ключом, вы сравните головки и поймете, что он отсюда. Сделай еще похожие посохи, береженого Бог бережет. Никто не должен знать, кроме посвященных, как выглядят настоящие ключи. И помни, мальчик, тебе дана великая власть и великая благодать, но только на хранение.

После этого Соломон отодвинул завесу и, сгибаясь от непомерной тяжести, они вынесли ковчег из храма. Менелик привел слона и велел ему опуститься на колени. С большим трудом они погрузили ковчег ему на спину. Потом они закутали ковчег полотнами и одеялами и обвязали его веревками с таким количеством узлов и переплетений, что распаковать его было немыслимо. Когда они закончили, на востоке небо начало сереть, и вдали первые птицы уже объявляли рассвет пронзительными трелями. Соломон выпустил сына через тайный ход, и Менелик словно растворился в темноте. Налетел и зашелестел листьями предрассветный ветер. Соломон произнес заклинание, и снова запели цикады. Он зябко поежился и пошел в опочивальню.

За три часа до полудня под барабанный бой из городских ворот выходил караван. Впереди каравана на вороной кобыле ехал Менелик в окружении придворных на белых лошадях. За ними, покачивая серыми боками, вышагивали слоны, нагруженные дарами и беседками, в которых сидели дамы и знать. За слонами выступали навьюченные верблюды. А за ними отряд вооруженных всадников, это были телохранители Менелика и старшие сыновья городских старшин. Замыкал шествие отряд огромных воинов на лошадях с копьями и луками. Горожане высыпали на улицу. Плакали женщины, провожая сыновей и дочерей в чужую страну. Мужчины, оглаживая бороду и покачивая головами,

рассуждали о том, что сын Соломона, конечно, должен исповедовать веру отца, но не велика ли жертва – столько знатных юношей из лучших семей и левитов отдать в чужие земли!

А на крыше дворца стоял царь Соломон и глядел вслед. Сердце его сжималось от гордости и горя.

Караван растянулся по дороге и переправился через реку. Соломон увидел, что Менелик спешился у холмов, и, как когда-то его мать, идет по траве, напевая и наигрывая на свирели.

«Напоите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я умираю от любви...»

Соломону показалось, что эти слова принес ветер.

Продолжение следует

